Почвенный фактор и историко-географическое развитие сельских поселений Центрального Черноземья в XVII — начале XVIII века[1]

Д. А. Ляпин

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

EDN: FIHGNB

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей ландшафтно-географического расположения сельских поселений черноземных уездов и их историческому развитию в XVII–XVIII веках. Основное внимание уделено почвенному фактору, во многом определявшему систему размещения сел и деревень в ходе формирования антропогенного ландшафта. В центре внимания находятся Белгородский, Воронежский, Елецкий, Козловский и Шацкий уезды, которые активно осваивались русским населением в указанное время. Методика исследования исходит из сравнения данных, полученных в ходе изучения сельских поселений на основе комплекса письменных источников, с местами залегания различного вида почв. Картографирование сведений позволило лучше понять особенности расположения сельских поселений на местности в границах изученных уездов. В итоге было определено, что села и деревни в большинстве своем тяготели к местам залегания черноземов и концентрировались возле больших и малых рек. Кроме почвенного, важное место занимали военный и водный факторы, также значимые для развития антропогенного ландшафта. В некоторых регионах влияние войны с татарами длительное время являлось доминирующим, а состав почвы — вторичным по отношению к нему. В статье также показано, что расположение поселений, тесно связанное с черноземными землями, влияло на образование новых уездов в XVII веке. Каждый из них опирался на собственную экономическую базу — плодородную почву, что в совокупности позволяло содержать большое войско и строить масштабные военно-оборонительные укрепления. Таким образом, делается вывод о большом влиянии на историю освоения Черноземья почвенного фактора, не только определявшего развитие местного антропогенного ландшафта, но и позволившего обеспечить продовольствием русскую армию.

Ключевые слова: ландшафт, крестьянство, историко-географические особенности, хозяйственное освоение, переписные книги, Белгородский уезд, Воронежский уезд, Козловский уезд, Шацкий уезд

---

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, https://rscf.ru/project/24-68-00011/) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина». Автор выражает благодарность за консультации доктору биологических наук, профессору, заведующему лабораторией экологического почвоведения МГУ им. М. В. Ломоносова Н. О. Ковалевой.

ИСТОРИЯ

Почвенный фактор, наряду с климатическими условиями, является одним из наиболее значимых для развития аграрного общества любой эпохи. Однако количество исследований, посвященных конкретным процессам взаимосвязи почвы и социально-исторических процессов, несмотря на признание почвенного покрова важным источником информации о прошлом (Горбачев, Бабинцев, 2011; Память почв, 2008; Канищев, Ковалева, Ковалев, 2012), в историографии остается весьма ограниченным. Особенную актуальность изучение этой темы имеет для периода Нового времени (XVII–XIX вв.), когда в структурах аграрного общества начали происходить модернизационные процессы, ставшие определяющими для его дальнейшего развития. При этом значению климатического фактора традиционно уделяется особое внимание в связи с хорошо отразившимся в источниках воздействием так называемого «Малого ледникового периода» (Ле Руа Ладюри, 1971: 10, 14; Чернавская, 1995: 223; Борисенков, Пасецкий, 2002: 159–179). Известно, что Дж. Голдстоун, основываясь на выявленных колебаниях климата, выдвинул теорию о связи многочисленных социальных потрясений XVII века с резким похолоданием и увлажнением, наблюдавшимися в этот период (Goldstone, 1991; Parker, 2013). Теорию о влиянии климата на политические события применительно к истории России предложил использовать Ч. Даннинг, поддержавший идеи Дж. Голдстоуна (Dunning, 1997).

Настоящая статья представляет предварительные результаты исследования того, как свойства почвы влияли на социально-исторические процессы в черноземных уездах России в XVII — начале XVIII века. Особое внимание уделено тому, как эти процессы способствовали формированию системы сельских поселений, ставшей важнейшей частью формирующегося антропогенного ландшафта.

В центре нашего внимания находятся активно осваиваемые русским населением в указанное время Белгородский, Воронежский, Елецкий, Козловский и Шацкий уезды (см.: Приложения, карта 7). Присоединение этих плодородных земель, несмотря на серьезные препятствия в виде противостояния Москвы с Крымским ханством и Османской империей, оказалось стратегически важным. Российское государство получило доступ к ценным земельным ресурсам, способным обеспечить высокий урожай и дальнейшее развитие (Belkin Stevens, 1995; Папков, Петрухинцев, Хитров, 2020). В 1658 году на этой экономической базе появилась новая эффективная армия (Белгородский разряд), способная не только оборонять границы, но и участвовать в долгих военных конфликтах. Строительство первого парусного морского флота в 1696 году в Воронеже могло произойти только в условиях стабильного снабжения местными ресурсами; именно черноземные уезды обеспечили продовольствием

войско Петра I во время походов на Азов в 1695–1696 годах (Гуськов, Кочегаров, Шамин, 2022: 56–63).

Источники и методика работы

Развитие системы сельских поселений на территории Черноземья — важнейший показатель успехов русской колонизации региона. Для изучения этого процесса был проведен анализ обширного корпуса переписных книг черноземных уездов, охватывающих периоды 1646, 1678, 1710 и 1716–1718 годов. Данные о составе почв были собраны в виде единого картографического материала (см. Приложения[2]). В основу работы легли данные «Национального атласа почв Российской Федерации», сопоставленные с географическими объектами и поселениями, существовавшими в период с 1716 по 1718 год. Мы исходим из того, что почвы меняются очень медленно и за прошедшие 300 лет значительных перемен в составе почвенного покрова не произошло. Под влиянием антропогенной деятельности существенно снижается плодородие почвы (содержание гумуса и элементов питания растений, мощность гумусового горизонта) и насыщенность черноземов.

Основным источником работы послужили ландратские книги — последние подворные переписи населения России, проводимые в 1716–1718 годах (их составление было поручено ландратам, помощникам губернатора на местах). К этому времени уже был накоплен большой опыт описательной работы: с 1678 года стали отдельно фиксировать наличие детей и указывать их возраст, а с 1710 года отмечалось все население двора. Всероссийские подворные переписи начались в 1646 году и постепенно сложились в единую систему, так как основывались на сопоставлении данных. Каждая из них была, по сути, более сложным и подробным продолжением предыдущей. Информация собиралась с населения в виде «сказок», подсчетов и опросов, а затем составлялись в тетради. Переписные книги, появившиеся в результате работы ландратов, стали самыми большими в своей истории, поскольку были максимально подробны и зачастую опирались на сведения сразу двух предыдущих описаний (1678 и 1710 годов).

Недостаток ландратских книг связан с тем, что они слишком объемны. Полноценная работа с этими массивными фолиантами возможна только при условии ясного понимания их формуляра (схемы построения). Очень трудоемко применять разнородные со-

2. Карты составлены кандидатом исторических наук К. С. Кунавиным — ведущим научным редактором-картографом редакции исторической картографии научно-образовательного портала «Большая российская энциклопедия».

поставления и скрупулезные подсчеты переписчиков для систематизации информации в больших масштабах.

Достоверность ландратских книг была не ниже предыдущих описаний, от сведений которых они отталкивались (Ляпин, 2021, 2025). Традиционно для переписей 1678 года она признается в пределах 70% от общего числа населения (Водарский, 1968). Однако в нашей работе вопрос о численности и составе населения не имеет принципиального значения, поскольку используемый подход связан с анализом сложившейся в уезде системы сельских поселений. Представляется маловероятным, чтобы данные о них путем целенаправленного сокрытия не попадали на страницы переписи. Используемые материалы хранятся в фонде 350 Российского государственного архива древних актов[3].

Методика проведенного исследования основывалась на применении сравнительно-исторического подхода, что обеспечило возможность детального сопоставления результатов, полученных в результате обработки сведений ландратских книг. Для итоговой систематизации полученных результатов использовался метод обобщения, который способствовал выявлению закономерностей между характеристиками почвенных данных и информацией о развитии поселений на исследуемых территориях. Мы исходили из того, что интенсивность освоения напрямую отражается в количестве и составе сельских поселений. Как правило, в начале XVIII века это были села и деревни.

Почва и географическое расположение сельских поселений черноземных уездов

Соотнесение информации о расположении сельских поселений с данными о составе почв позволило выявить определенные закономерности. В первую очередь почвенный покров оказывал значительное влияние на развитие антропогенного ландшафта в процессе освоения черноземного региона. Разные типы почв обеспечивали различные условия для ведения сельского хозяйства, что, в свою очередь, влияло на выбор места для поселений. Плодородие и характеристики почвы определяли последующее экономическое и социальное развитие территории.

Рассмотрим влияние почвы на расположение сельских поселений на примере Шацкого уезда. В пределах его границ располагалась самая северная зона залегания черноземов, ограниченная с востока левым берегом р. Цны. Черноземная полоса в этой местности образует вытянутый клин, направленный с юга на север,

3. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 21 (Белгородский уезд); Д. 94. Ч. 1, 2 (Воронежский уезд); Д. 113 (Елецкий уезд); Д. 460 (Шацкий уезд); Д. 188 (Козловский уезд).

в сторону Оки. Сравнение месторасположения поселений и состава почв показывает, что основная часть сел и деревень располагалась именно на черноземной полосе, тянувшейся вдоль р. Цны. Поселения, расположенные непосредственно на берегу р. Цны, на границе залегания черноземов, безусловно, также следует считать черноземными, так как их хозяйственная деятельность могла вестись только на этих плодородных землях. В основном эта территория относилась к границам одного Подлесского (Середнего) стана (Приложения, карта 1). Показательно, что всего в Шацком уезде в начале XVIII века находилось около 90 поселений, но 39 (43%) из них были сконцентрированы именно в этом относительно небольшом регионе.

На карте Шацкого уезда показано расположение поселений на начало XVIII века (Приложения, карта 1). Почти все они существовали здесь в начале XVII века, и именно тогда был определен главный вектор освоения территории: расселение на черноземном клине вдоль левого берега р. Цны (Мизис, 2023: 232). Во второй половине столетия, когда была построена Белгородская оборонительная черта и татарские нападения на Шацкий уезд заметно уменьшились, началось активное приобретение земель в этом регионе представителями придворной элиты. Показательно, что влиятельные царедворцы стремились получить участки именно на черноземной полосе: в итоге из 38 местных сел и деревень 17 принадлежало богатым царедворцам, в основном дворянам Нарышкиным[4]. Перепись 1716 года содержит информацию, указывающую на то, что на момент описания уезда в 1678 году столичная знать уже начала скупку черноземных земель и заселение их своими крестьянами.

Другое свидетельство эффективного развития черноземной части Шацкого уезда — переселение местных крестьян в нечерноземные деревни, находящиеся западнее, в районе лесного Мещерского края[5]. Судя по данным переписчиков, в 1714 году старые поселения на черноземах были уже довольно плотно заселены крестьянами. Но несмотря на регулярные переезды целых семей, на протяжении всего XVIII века развитие именно черноземных регионов Шацкого уезда все равно превалировало над остальными территориями. Это заметно на карте, составленной Д. В. Хитровым на материалах первых ревизий (Хитров, 2019: 132). В пределах Подлесского стана об этом свидетельствует карта на основе плана уезда 1787 года (Приложения, карта 2).

Расположение поселений в Шацком уезде явно указывает на значимость почвенного фактора. Направления хозяйственного развития этих земель во многом определялись составом и плодородностью почв.

4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 460. Л. 654–654 об.
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38.

Перейдем теперь к информации по другим черноземным уездам: Воронежскому, Елецкому и Козловскому. Здесь заметна еще одна закономерность: на местах залегания оподзоленных черноземов поселения размещались по «кустовому принципу», а в остальных случаях они концентрировались по берегам больших и малых рек.

В частности, на карте Елецкого уезда (Приложения, карта 3) хорошо заметно, что на оподзоленных черноземах концентрация поселений не привязана к рекам, а сами они расположены группами, «кустами». В итоге можно выделить три больших кластера поселений такого типа (Гайтерова, 2024). Всего в этих «черноземных кластерах» было сконцентрировано 75% от числа всех елецких поселений. В Воронежском и Козловском уездах оподзоленных черноземов почти не было, и «кустовой» принцип расселения прослеживается на этих территориях слабо (Приложения, карты 4–5). Однако местные села и деревни совершенно очевидно тяготели к большим и малым рекам (Горская, Гласко, Александровский, 2016; Ляпин, Прошунина, 2025). Река была не только источником воды, но служила местом для размещения мельниц, без которых обработка зерна была невозможна.

Разумеется, в каждом уезде местоположение сел и деревень имело свою специфику. На представленной карте к югу от Воронежа большой плодородный черноземный массив по р. Хворостань не имел концентрации поселений поблизости, кроме монастырского села с одноименным названием (Приложения, карта 4). Это объясняется историей освоения данных мест. Еще в первой половине XVII века, когда жизнь здесь была слишком опасной по причине татарских вторжений, земли по р. Хворостань были отданы на откуп как «ухожаи» (участки для хозяйственной эксплуатации) воронежскому Покровскому женскому монастырю. С этого времени монастырские власти твердо отстаивали их в борьбе с помещиками и не допускали поселений близ своих владений[6].

Объяснение выявленной закономерности соотнесения оподзоленных черноземов с «кустовым» принципом расселения пока может быть только гипотетическим. Причина, возможно, кроется в особенности этого типа почвы. Как известно, оподзоленные черноземы подвержены сильному *заплыванию*, то есть они образуют на поверхности твердую корку и больше подвержены эрозии, в них присутствует оподзоленный (бесплодный) горизонт, из которого осадками вымыты элементы минерального питания, ил, органика, карбонаты. Оподзоленные черноземы требуют дополнительных агротехнических мер и особых коллективных усилий при распашке. Еще одна особенность таких черноземов — *слабая водопроницаемость*. Атмосферная влага в оподзоленных черноземах стекает в овраги как с поверхностным стоком, так и с внутрипочвенным стоком после сильных ливней. Тем самым овраги выполняли дренирующую функцию: в них стекала из-

6. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 105.

быточная влага. Вероятно, именно поэтому на таких участках люди могли селиться подальше от рек, пользуясь существующими овражными водоемами, периодически насыщаемыми сезонными водостоками. В итоге сельские поселения группировались вокруг этих небольших источников воды в оврагах и балках. Так, по всей вероятности, и образовывался «кустовой» принцип расселения.

Однако количество сел и деревень, группирующихся вдали от рек, было небольшим и составляло около 30%. Недостатки такого места для жизни связаны с двумя обстоятельствами: овражные воды нестабильны и велика вероятность их полного усыхания в сухие сезоны, тогда как во влажные годы застой воды в понижениях приводит к развитию осолодения, что резко снижает плодородие почвы (Канищев и др., 2017: 132).

На представленных картах Елецкого и Воронежского уездов (Приложения, карты 3–4) показана также плотность населенных пунктов. Можно заметить, что отдельно стоящие елецкие поселения, как правило, многочисленны. Однако на воронежском материале такой закономерности не прослеживается. Зато мы ясно видим, что плотность населения в Елецком уезде в целом значительно выше, чем в Воронежском, что связано с его расположением, несколько отдаленным от границы со Степью. Наиболее опасный участок, находящийся к югу от Воронежа, был представлен в основном отдельно стоящими крупными селами (Борщёво, Голышево, Хворостань). Эти поселения были изначально многочисленны и, вероятно, имели надежные укрепления (местный Борщёвский монастырь даже входил в состав Белгородской оборонительной черты).

Следует отдельно остановиться на расположении сельских поселений Белгородского уезда, так как оно сильно отличается от остальных изученных территорий. Причина этого заключалась в том, что почвенный фактор играл здесь вторичную роль, а первым был военный. Отдаленность уезда, постоянная опасность со стороны татар вынуждали его оставаться военной базой, форпостом России в Степи. По экономическим показателям Белгородский уезд сильно уступал Воронежскому, Елецкому или Козловскому, развитие которых было более благополучным (Ляпин, Мельникова, 2024). Как результат, именно война обусловливала местонахождение белгородских поселений, подавляющее большинство из которых (около 90%) располагались возле лесных массивов под защитой самого Белгорода и сильно залесенного левого берега р. Северский Донец (Приложения, карта 6). Из четырех поселений на типичных черноземах (самых плодородных из всех типов) к юго-западу от города три (Крюково, Устенки, Лозовое) появились здесь только во второй половине XVII века, то есть после постройки Белгородской черты[7]. До этого времени их существование было невоз-

7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829. Л. 39 об.–46 (1646); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15818. Л. 70–73 об., 148 об.–150, 50–52 об., 87–89 (1678).

можным по причине постоянной военной угрозы, вне зависимости от плодородности почвы.

Почвенный фактор и исторические условия развития уезда

Итак, тип почвы оказывал влияние на расположение, развитие и состав сельских поселений. В большинстве своем крестьяне и помещики стремились жить в районе черноземов любого типа, возле источников воды, но свою роль играли также исторические обстоятельства, связанные с военной угрозой. Даже на самых плодородных землях жизнь была невозможна, если они были открыты для вражеских вторжений и делали местное население легкой добычей для врагов. Таким образом, почва, водоем и война — три обстоятельства, определявшие формирование системы сельских поселений каждого черноземного уезда в XVII веке. В относительно спокойных районах почвенный фактор играл определяющую роль, а в опасных он становился вторичным. Но со временем, когда граница Российского государства отходила дальше на юг, почва становилась единственным обстоятельством, влияющим на вектор развития антропогенного ландшафта.

Для примера вновь обратимся к истории освоения земель Шацкого уезда. Выше мы уже убедились, что большинство здешних поселений тяготели к протянувшемуся в этом месте черноземному клину. Но если обратиться к системе расположения этих черноземных сел и деревень, то можно заметить очевидную неравномерность. Большинство из них концентрировалось в пойме р. Цны, вытянувшись в узкую линию вдоль ее левого берега (Приложения, карта 1). Такое расположение — результат воздействия дополнительных факторов, прежде всего военного, а также водного. Дело в том, что долгое время эти территории использовались кочевниками для набегов на исторический центр России: татары пользовались проходившим здесь свободным от лесов и рек природным «коридором». Сам Шацк был построен в 1553 году именно для того, чтобы контролировать это пространство. Но после возведения новой крепости татары стали совершать набеги на земли в ее окрестностях. Так продолжалось около ста лет, пока строительство Белгородской черты не защитило уезд от регулярных вторжений. К этому времени сельские поселения уже получили вектор своего развития: опасаясь открытого пространства, они как бы прижимались к речной пойме, но строго в пределах зоны залегания черноземов. Схожие тенденции наблюдались и в Епифанском уезде в верховье Дона (Свиридова, 2025).

Почвенный фактор также оказывал влияние на появление новых уездов в процессе усиления российского влияния в регионе. После строительства Белгородской черты Москва стремилась к медленным наступательным действиям в южном направлении. Успех

этой политики напрямую зависел от массовых переселений крестьян и служилых людей на новые, активно осваиваемые черноземные территории. Если в конце XVI века появление первых «полевых» городов-крепостей и формирование вокруг них уездов определялось военно-стратегическими соображениями, то теперь административные единицы образовывались в местах концентрации сельских поселений, которые, как мы знаем, тяготели к черноземным почвам. Более того, новые уезды были организованы так, чтобы защитить плодородные территории, наиболее перспективные для развития земледелия. Власти стремились обеспечить сельским жителям лучшие условия для хозяйственных работ, создавая тем самым экономическую базу для расположенного здесь многочисленного военного контингента.

Например, в 1635 году на юго-западных открытых степных пространствах к западу от Ельца возник Чернавский уезд. Его центр, город-крепость Чернавск, находился на самом севере, а подконтрольные ему земли тянулись далеко на юг (Приложения, карта 7). Такое расположение на первый взгляд может показаться странным. Однако новый уезд включил в свой состав плохо защищенные до этого районы концентрации плодородных черноземов. Он не только контролировал важную территорию, но и получил ресурсы для развития. Точно так же Землянский уезд, возникший к северо-западу от Воронежа в 1662 году, включил в свой состав плодородные земли правого берега Дона (Приложения, карта 7). Базой для существования и развития этого нового военного центра выступали именно сельские поселения, расположенные на местах залегания черноземов.

Заключение

Таким образом, плодородная почва во многом определяла развитие сельских поселений Черноземья, а также позволяла содержать местные военные контингенты. Каждый уезд, входивший в состав Белгородского разряда, опирался на собственные земельные ресурсы, и крестьяне были здесь таким же важным социальным элементом, как и служилые люди (Moon, 1999: 45). Построенные на степном пограничье военно-оборонительные укрепления (Белгородская черта) не могли существовать без регулярного снабжения ресурсами, а военные реформы середины XVII века, площадкой для которых стали южные уезды, проводились за счет постоянного обеспечения продовольствием (Belkin Stevens, 1995: 56–76). Следовательно, состав почв и связанная с ним экономическая организация сельского ландшафта, эффективно обеспечивавшая зерном местное войско, оказывали большое влияние на процесс освоения черноземных территорий. Историко-географическое развитие местных сельских поселений не просто свидетельствует о тяготении сельских жителей

к более плодородным землям, но и подчеркивает важность почвенного фактора на более высоком военно-политическом уровне.

Библиография

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. (2002). Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. — XX в. н.э.). СПб.: Гидрометиздат.

Водарский Я. Е. (1968). К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. № 2. С. 133–143.

Гайтерова К. Г. (2024). Динамика развития сельских поселений Елецкого уезда во второй половине XVII в. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1 (38). С. 8–14.

Горбачев В. Н., Бабинцев Р. М. (2011). Память почв — показатель и носитель информации об эволюции экологических условий // Ульяновский медико-биологический журнал. № 4. С. 104–108.

Горская Е. А., Гласко М. П., Александровский А. Л. (2016). Изменения почв и рельефа поймы верховьев Дона в районе поселений XVI–XVII вв. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 67–81.

Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. (2022). Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово.

Ле Руа Ладюри Э. (1971). История климата с 1000 года / Пер. с фр. С. А. Чаплыгиной, под ред. Т. В. Покровской. Л.: Гидрометиздат.

Канищев В. В., Ковалева Н. О., Самохина О. И., Ковалев И. В. (2017). Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области в историческое время // Вестник Тамбовского государственного университета. Т. 17 (16). С. 126–135.

Канищев В. В., Ковалева Н. О., Ковалев И. В. (2012). Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // Вестник Тамбовского государственного университета. Т. 17 (16). С. 1541–1547.

Ляпин Д. А., Мельникова А. Р. (2024). Сельские поселения черноземных уездов европейской России в XVII — первой трети XVIII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 29 (5). С. 51–60.

Ляпин Д. А., Прошунина Е. В. (2025). Почвенно-климатические условия хозяйственного освоения Верхнего Подонья в XVII — первой четверти XVIII века // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. № 12 (1). С. 19–34.

Ляпин Д. А. (2025). Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. № 2. С. 331–348.

Ляпин Д. А. (2021). Опыт изучения ландратских книг Петровского времени // Российская история. № 1. С. 37–45.

Мизис Ю. А. (2023). На южных рубежах Российского государства. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов в XVII в. (1635–1696 гг.). Тамбов: Издательский дом «Державинский».

Память почв (2008): Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий / Редактор и составитель В. О. Таргульян. М.: Издательство ЛКИ.

Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. (2020). Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиарост.

Свиридова А. Н. (2025). Социальный состав и половозрастная характеристика населения Епифанского уезда по данным переписной книги 1710 г. // История: факты и символы. № 2 (43). С. 127–134.

Хитров Д. А. (2019). К вопросу о границах Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (75). С. 130–132.

Чернавская М. М. (1995). Изменчивость климата в историческом прошлом. М.: Наука.
Belkin Stevens C. (1995). Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press.
Dunning Ch. (1997). Does Jack Goldstone? Model of early modern state crises apply to Russia? // Comparative Studies in Society and History. Vol. 39. № 3. P. 572–592.
Goldstone J. A. (1991). Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press.
Moon D. (1999). The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made. New-York: Routledge.
Parker G. (2013). Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven and London: Yale University Press.

Soil factor and historical-geographical development of rural settlements in the Central Black-Earth Region in the 17th — early 18th centuries[8]

Denis A. Lyapin, DSC (History), Leading Researcher, Bunin Yelets State University.
Kommunarov St., 28, Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia.
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru.

Abstract. The article considers the location features of rural settlements in the Black-Earth Region in the 17th–18th centuries. The author focuses on the soil factor as affecting villages and hamlets in the formation of the anthropogenic landscape and on the Belgorod, Voronezh, Yeletsky, Kozlovsky and Shatsky uyezds as actively developed by the Russian population. The article is based on the data collected in the studies of rural settlements and compared on the basis of the soil type. By mapping the data, the author identifies the location features of rural settlements within the uyezds. Thus, settlements concentrated near areas with black soil were located on the banks of large and small rivers. In addition to the soil factor, military and water factors are also significant for the development of the anthropogenic landscape. In some uyezds, the military factor played a dominant role for a long time, while the soil composition was secondary. The location of settlements connected to black soil influenced the formation of new uyezds. Each uyezd relied on its own economic base — fertile black soil, which made it possible to support a large army and build military-defensive fortifications. Thus, the soil factor had a great impact on the history of the development of the Black-Earth Region, not only determining its anthropogenic landscape, but also providing food for a large army.

Key words: soils, black earth, peasantry, small landowners, rural settlements, historical-geographical features, economic development, census books, Belgorod uyezd, Voronezh uyezd, Kozlovsky uyezd, Shatsky uyezd

References

Belkin Stevens C. (1995) *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia,* DeKalb: Northern Illinois University Press.
Borisenkov E. P., Pasetsky V. M. (2002) *Letopis neobychajnyh yavlenij prirody za 2,5 tysyacheletiya (V v. do n.e. — XX v. n.e.)* [Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena for 2.5 Millennia (5th Century BC — 20th Century AD)], Saint Petersburg: Gidrometizdat.

8. The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-68-00011, https://rscf.ru/project/24-68-00011/) at the Bunin Yelets State University

Vodarsky Ya.E. (1968) K voprosu o dostovernosti perepisnyh knig XVII v. [On the reliability of the 17th-century census books]. *Istoriya SSSR*, no 1, pp. 133–143.

Chernavskaya M.M. (1995) *Izmenchivost klimata v istoricheskom proshlom* [Climate Variability in the Historical Past], Moscow: Nauka.

Dunning Ch. (1997) Does Jack Goldstone model of early modern state crises apply to Russia? *Comparative Studies in Society and History*, vol. 39, no 3, pp. 572–592.

Gaiterova K.G. (2024) Dinamika razvitiya selskih poselenij Eletskogo uyezda vo vtoroj polovine XVII v. [Dynamics of rural settlements development in the Yelets uyezd in the second half of the 17th century]. *Problemy Sotsialnyh i Gumanitarnyh Nauk*, vol. 38, no 1, pp. 8–14.

Goldstone J.A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World,* Berkeley: University of California Press.

Gorbachev V.N., Babintsev R.M. (2011) Pamyat pochv — pokazatel i nositel informatsii ob evolyutssi ekologicheskih uslovij [Soil memory as an indicator and carrier of information on the evolution of environmental conditions]. *Ulyanovsky Mediko-Biologichesky Zhurnal*, no 4, pp. 104–108.

Gorskaya E.A., Glasko M.P., Aleksandrovsky A.L. (2016) Izmeneniya pochv i reliefa poimy verhhoviev Dona v rayone poselenij XVI–XVII vv. [Changes in soils and topography of the Upper Don floodplain in the area of settlements in the 16th–17th centuries]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 6, pp. 67–81.

Guskov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. (2022) *Russko-turetskaya vojna 1686–1700 godov* [The Russo-Turkish War of 1686–1700], Moscow: Russkoe slovo.

Khitrov D.A. (2019) K voprosu o granitsah Shatskogo uyezda v XVII–XVIII v. [On the boundaries of Shatsky uyezd in the 17th–18th centuries]. *Drevnyaya Rus. Voprosy Medievistiki*, vol. 75, no 1, pp. 130–132.

Ladurie Le Rua E. (1971) *Istoriya klimata s 1000 goda* [Times of Feast, Times of Famine: A History of Climate Since the Year 1000]. Transl. from French by S.A. Chaplygina, ed. by T.V. Pokrovskaya, Leningrad: Gidrometizdat.

Kanishchev V.V., Kovaleva N.O., Samokhina O.I., Kovalev I.V. (2017) Antropogennaya evolyutsiya landshaftov Tambovskoj oblasti v istoricheskoe vremya [Anthropogenic evolution of landscapes in the Tambov Region in historical time]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta,* vol. 17, no 16, pp. 126–135.

Kanishchev V.V., Kovaleva N.O., Kovalev I.V. (2012) Istoricheskoe pochvovedenie Tambovskoj oblasti: pervye rezultaty issledovanij [Historical soil science of the Tambov Region: First research results]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 17, no 16, pp. 1541–1547.

Lyapin D.A., Melnikova A.R. (2024) Selskie poseleniya chernozemnyh uyezdov evropejskoj Rossii v XVII — pervoj treti XVIII vv. [Rural settlements in the Black-Earth uyezds of European Russia in the 17th — first third of the 18th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 29, no 5, pp. 51–60.

Lyapin D.A., Proshunina E.V. (2025) Pochvenno-klimaticheskie usloviya khozyajstvennogo osvoenija Verkhnego Podonya v XVII — pervoj chetverti XVIII veka [Soil-climatic conditions of economic development in the Upper Don Region in the 17th — first quarter of the 18th century]. *Tractus Aevorum: Evolyutsiya Sotsiokulturnyh i Politicheskih Prostranstv*, vol. 12, no 1, pp. 19–34.

Lyapin D.A. (2025) Landratskaya perepis v sisteme podvornyh opisanij Petrovskogo vremeni na primere Voronezhskogo uyezda 1716 g. [Landrat books in the household description system under Peter the Great (on the example of the Voronezh uyezd in 1716]. *Vestnik Arkhivista*, no 2, pp. 331–348.

Lyapin D.A. (2021) Opyt izucheniya landratskih knig Petrovskogo vremeni [A study of Landrat books under Peter the Great]. *Rossijskaya Istoriya,* no 1, pp. 37–45.

Mizis Yu.A. (2023) *Na yuzhnyh rubezhah Rossijskogo gosudarstva. Istoriya zaseleniya i osvoeniya Tambovskogo i Kozlovskogo uyezdov v XVII v. (1635–1696 gg.)* [On the

Southern Borders of the Russian State. History of Settlement and Development of the Tambov and Kozlovsky Uyezds in the 17th Century (1635–1696)], Tambov: Izdatelsky dom “Derzhavinsky”.

Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made,* New York: Routledge.

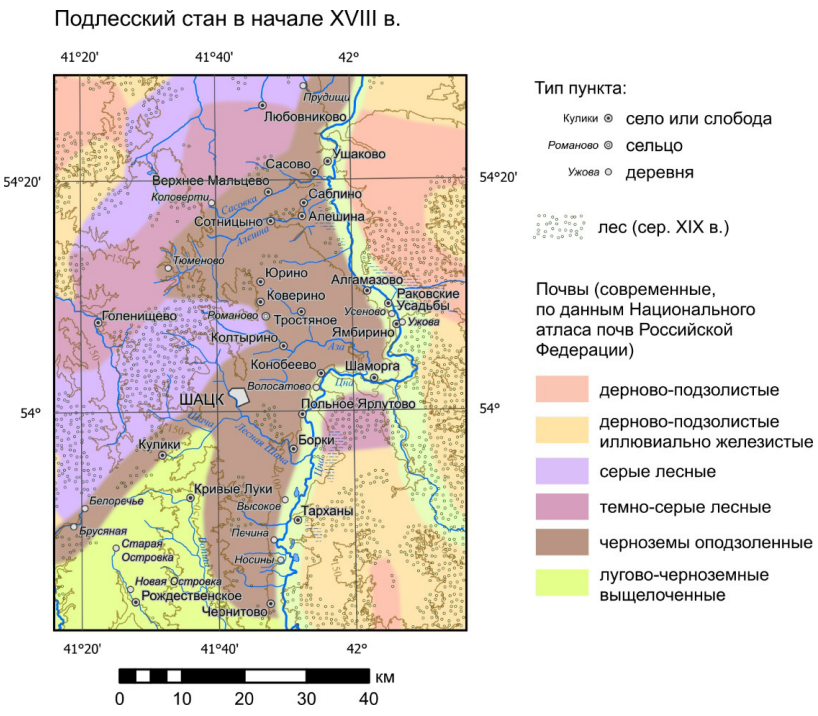
Pamyat pochv (2008)*: Pochva kak pamyat biosferno-geosferno-antroposfernyh vzaimodejstvij* [Soil Memory: Soil as a Memory of Biosphere-Geosphere-Anthroposphere Interactions]. Ed. and comp. by V. O. Targulyan), Moscow: Izdatelstvo LKI.

Papkov A. I., Petrukhintsev N. N., Khitrov D. A. (2020) *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [Belgorod Line: History, Fortification, People], Rybinsk: Mediarost.

Parker G. (2013) *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century,* New Haven; London: Yale University Press.

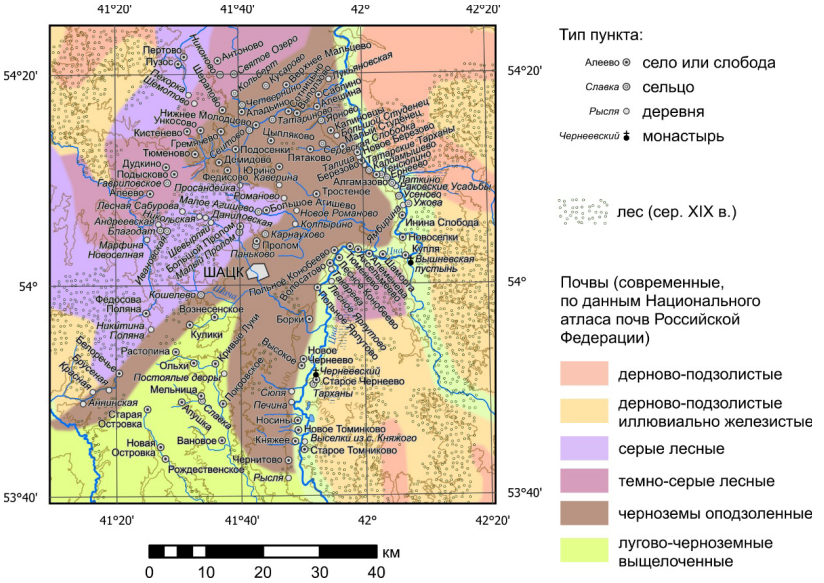
Sviridova A. N. (2025) Sotsialny sostav i polovozrastnaya kharakteristika naseleniya Epifanskogo uyezda po dannym perepisnoj knigi 1710 g. [Social composition and age-sex characteristics of population of the Epifansky uyezd according to the Census Book of 1710]. *Istoriya: Fakty i Simvoly,* no 2, pp. 127–134.

Приложения

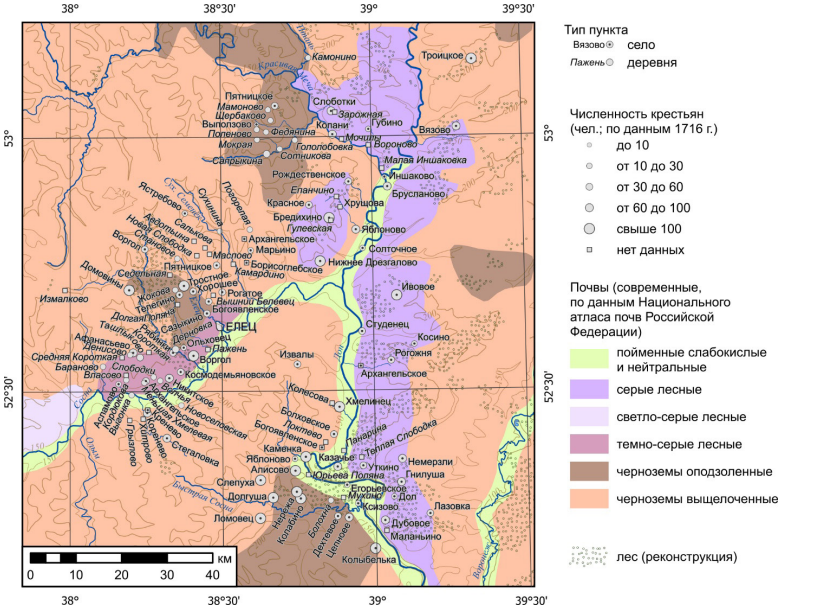

Карта 1. Почвенно-поселенческая карта Подлесского стана Шацкого уезда в начале XVIII в.

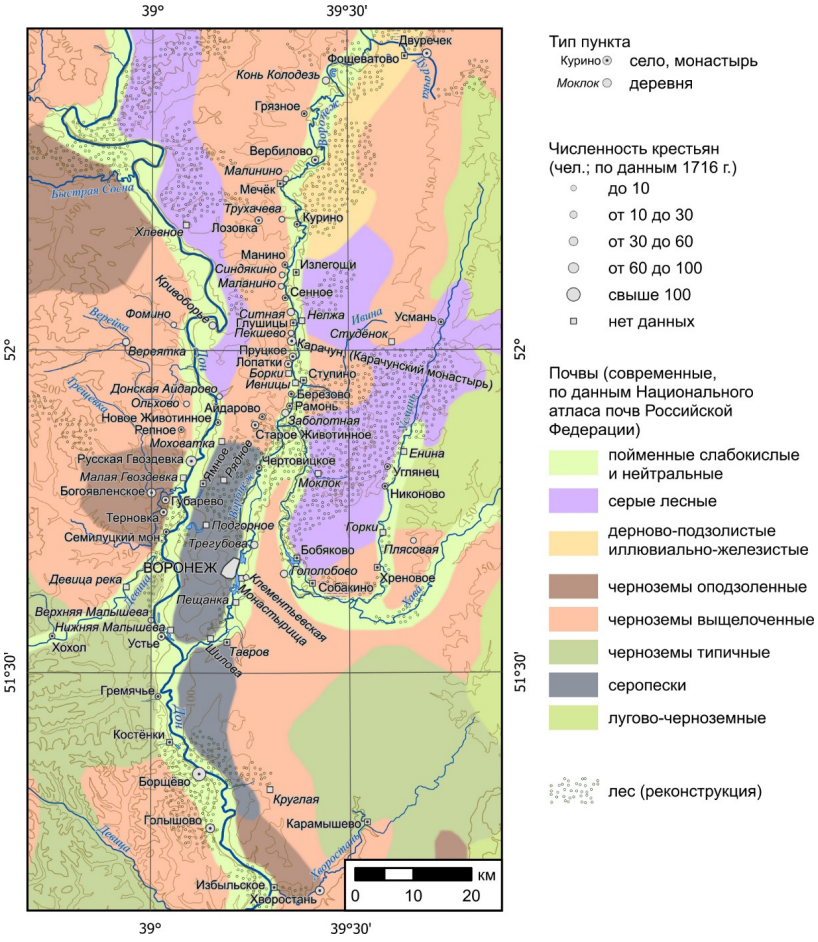
Map 1. Soil and settlement map of Podlessky Stan, Shatsky uyezd, early 18th century

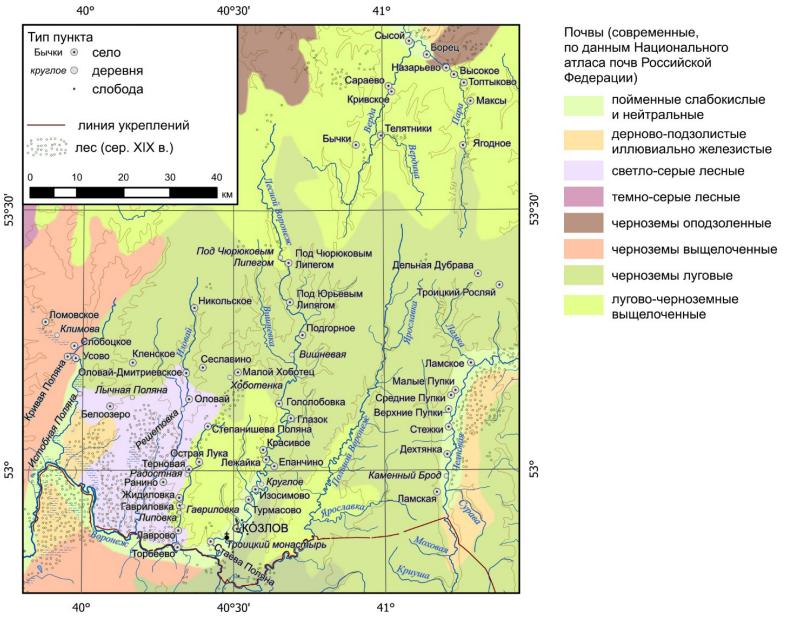
Карта 2. Почвенно-поселенческая карта Подлесского стана Шацкого уезда в 1787 г.
Map 2. Soil and settlement map of Podlessky Stan, Shatsky uyezd in 1787

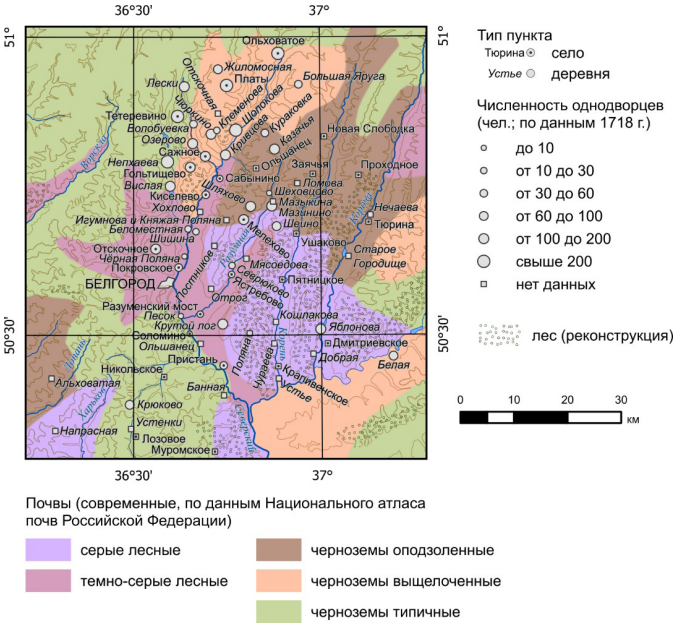
Карта 3. Почвенно-поселенческая карта Елецкого уезда в начале XVIII в.
Map 3. Soil and settlement map of Yeletsky uyezd, early 18th century

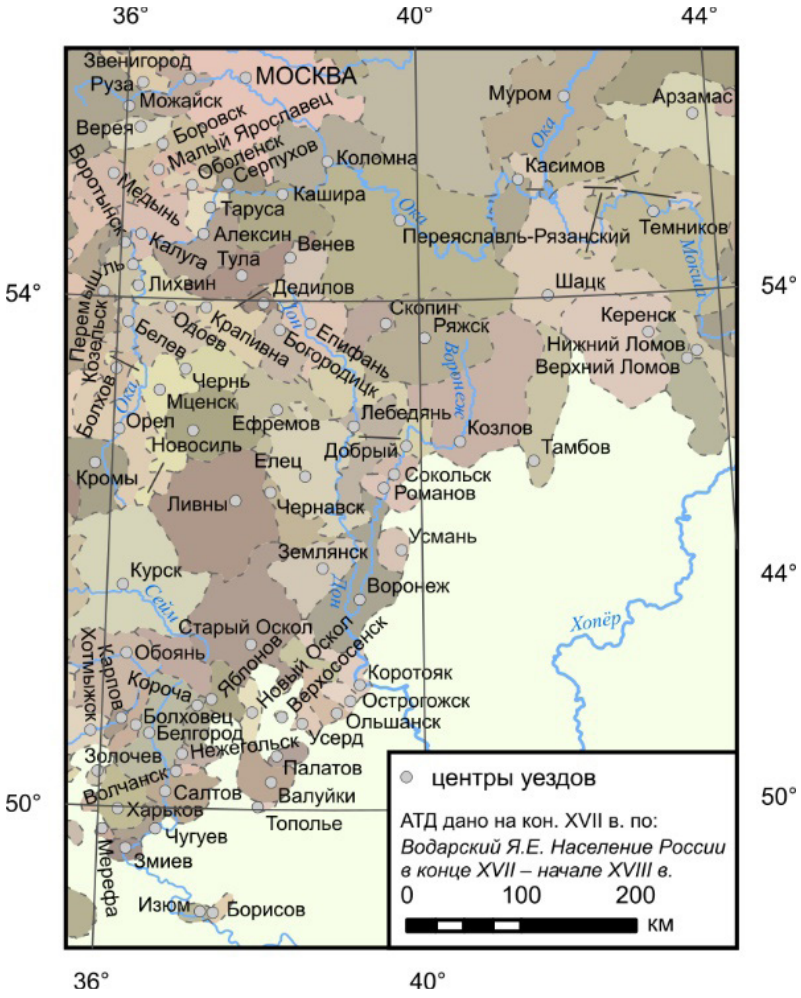
Карта 4. Почвенно-поселенческая карта Воронежского уезда в начале XVIII в.
Map 4. Soil and settlement map of Voronezh uyezd, early 18th century

Карта 5. Почвенно-поселенческая карта Козловского уезда в начале XVIII в.
Map 5. Soil and settlement map of Kozlovsky uyezd, early 18th century

Карта 6. Почвенно-поселенческая карта Белгородского уезда в начале XVIII в.
Map 6. Soil and settlement map of Belgorod uyezd, early 18th century

Карта 7. Черноземные уезды России в начале XVIII в.
Map 7. Black Earth uyezd of Russia in the early 18th century